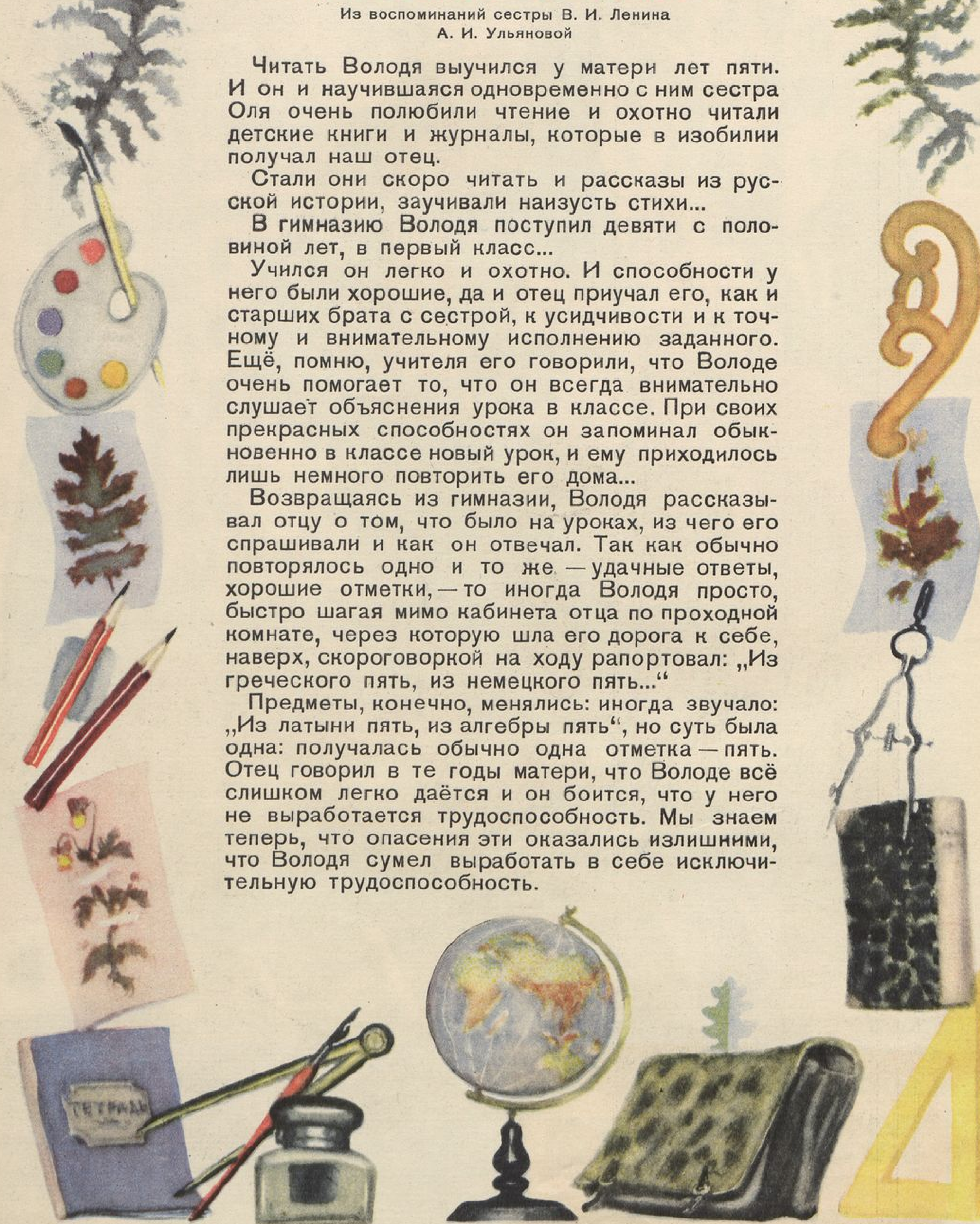

МУРЗИЛКА
№ 4 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
АПРЕЛЬ 1956

Рис. В. ЛЕБЕДЕВА

КАК УЧИЛСЯ В. И. ЛЕНИН

Из воспоминаний сестры В. И. Ленина
А. И. Ульяновой

Читать Володя выучился у матери лет пяти. И он и научившаяся одновременно с ним сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобилии получал наш отец.

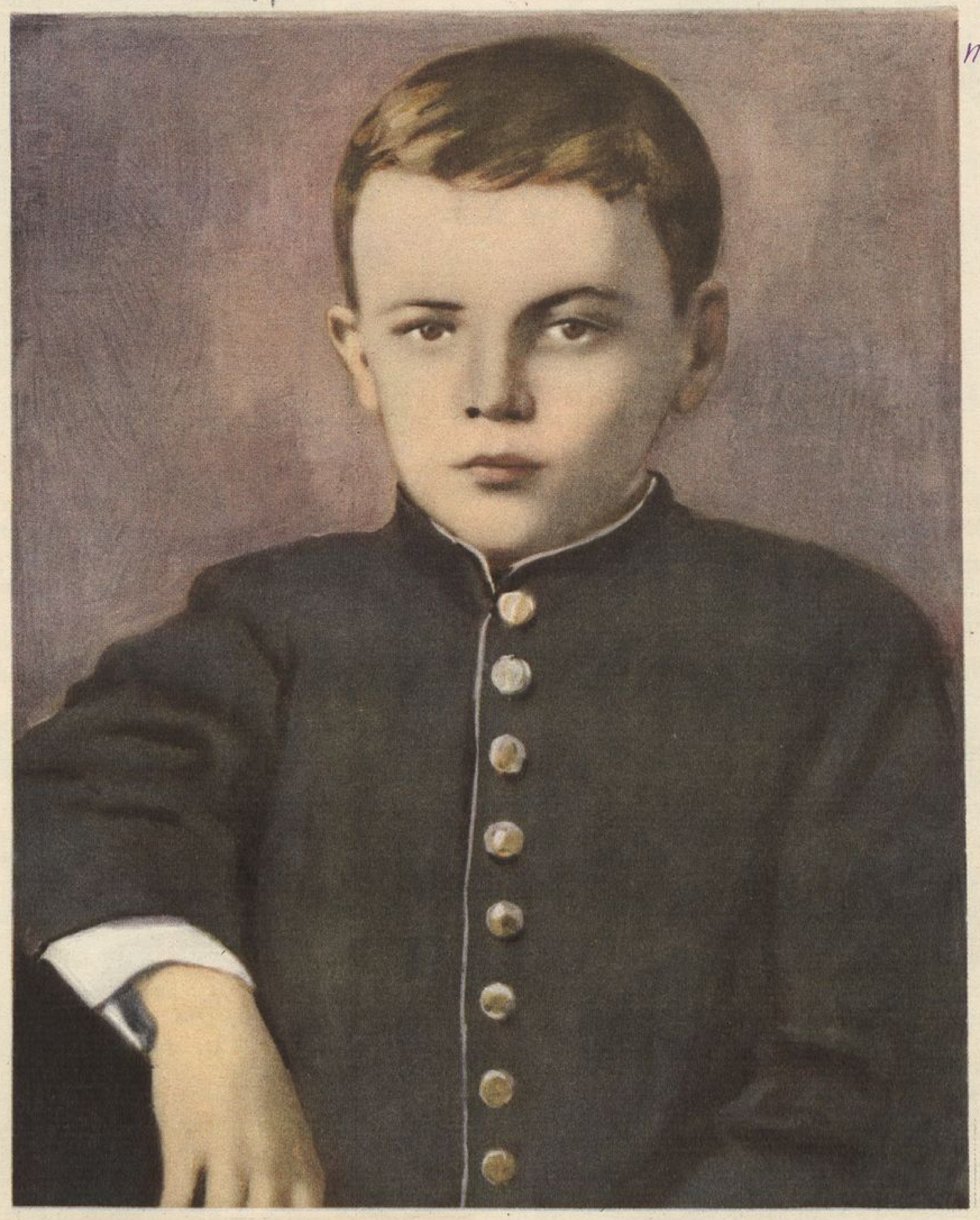
Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи...

В гимназию Володя поступил девяти с половиной лет, в первый класс...

Учился он легко и охотно. И способности у него были хорошие, да и отец приучал его, как и старших брата с сестрой, к усидчивости и к точному и внимательному исполнению заданного. Ещё, помню, учителя его говорили, что Володе очень помогает то, что он всегда внимательно слушает объяснения урока в классе. При своих прекрасных способностях он запоминал обыкновенно в классе новый урок, и ему приходилось лишь немного повторить его дома...

Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках, из чего его спрашивали и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, — то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе, наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: „Из греческого пять, из немецкого пять...“

Предметы, конечно, менялись: иногда звучало: „Из латыни пять, из алгебры пять“, но суть была одна: получалась обычно одна отметка — пять. Отец говорил в те годы матери, что Володе всё слишком легко даётся и он боится, что у него не выработается трудоспособность. Мы знаем теперь, что опасения эти оказались излишними, что Володя сумел выработать в себе исключительную трудоспособность.

В. И. Ленин, гимназист 1-го класса.

ПАЛЬМА

БОРИС ЕМЕЛЬЯНОВ

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

Владимир Ильич Ленин очень любил природу. Он мог долго смотреть на лесные цветы, белые берёзы и пушистые зелёные ёлки. Он был хорошим охотником. Ленин и в лесу любил бродить подолгу, тихо. Он только не любил сорванных цветов и срубленных бестолку, для забавы, деревьев. Цветы и деревья ему нравились живые, на земле. Он всегда заботился о лесах и садах нашей Родины.

В Кремле, в кабинете Ленина, в зелёной кадке у окна росла только одна пальма. Когда к Владимиру Ильичу приходил по делам Алексей Максимович Горький, с которым они вместе жили на юге, на острове Капри в Италии, среди вот таких же пальм, Ленин ему всегда показывал свою пальму и спрашивал:

— А помните, какие они были там у вас, в саду?

И Горький глухо отзывался:

— Помню.

— И я помню, — говорил Ленин. — Пальмы помню. Море помню.

Ленин тогда работал уже из последних сил, отчаянно сопротивляясь болезни. Казалось бы, куда уж тут ему было думать и заботиться о каком-то деревце!

А вот оказалось, что в огромном человеческом сердце Ленина и тогда оставалось место для маленькой пальмы.

Вышло так, что в эту зиму пальма заболела почти что вместе с Лениным. Её огромные, похожие на страусовые перья листья стали желтеть. Однажды утром Владимир Ильич нашёл на полу кабинета жёлтый опавший лист.

Ленин заволновался. Он попросил секретаря — Л. А. Фотиеву — найти поскорей хорошего лесного доктора пальме. Очень скоро такого человека в Москве нашли, и в Кремль к Ленину приехал из Ботанического сада старый, знающий своё дело садовник. Он стал осматривать больное дерево, а Ленин сидел и смотрел за его работой.

В это время приехал настоящий доктор к самому Ленину.

— Подождите, пожалуйста, — сказал ему Ленин улыбаясь. — Видите, здесь сегодня двое больных, и приём врачей производится в порядке очереди.

Садовник скоро кончил свой осмотр. Он сказал Владимиру Ильичу, что с пальмой ничего особенного не случилось. Надо только очистить корни, пересадить дерево в другую землю, и пальма оживёт.

— Спасибо вам, — сказал Ленин и пожал садовнику руку. — Вы говорите — переменить землю? Хорошо.

А потом Ленин обернулся к своему доктору и сказал:

— Видите, как просто лечить деревья.

Гринька

МИХАИЛ КОРШУНОВ

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

Я и мой друг Шубин были посланы комитетом большевиков к шахтёрам в посёлок Манжонка со специальным заданием.

Мы шли обветренные, измученные горячей степью и бессонницей. Шли переметёнными пылью тихими дорогами и заросшими кустарником суходолами, переправлялись через омутистые речушки и камышовые затопи, чтобы не наскочить на бандитов под кличкой «зелёные». Они недавно ограбили в Костомаровке банк и теперь промышляли здесь, в степи.

Был случай, когда несколько «зелёных» заметили нас и погнались, но не догнали, потому что бежать им было трудно: карманы, пазуха и даже широкие голенища сапог были набиты мелкими серебряными деньгами, награбленными в банке.

В одном из селений к нам приблудился паренёк Гринька. Неведомым нюхом, свойственным только мальчишкам, он определил, что мы и не белые, и не «зелёные», а именно красные.

Знакомство с Гринькой началось с того, что он заявил:

— Я могу быть разведчиком.

— Мимо, — весело сказал Шубин. — Разведчики нам сейчас не нужны.

— Я и пулемётчиком могу, — не сморгнув, соврал Гринька.

— Опять мимо, — ответил Шубин. — Пулемётчики тоже не требуются. Нет пулемёта.

Но Гринька не унимался:

— Тогда большевиком могу.

— Хитёр, как мышь, — одобрительно засмеялся Шубин.

На этот раз мы не имели права отказать Гриньке в товариществе: большевики нам всегда требовались.

Когда мы с Гринькой поговорили подробнее: где его родные, из каких он мест, сколько ему лет, то оказалось, что прежде он жил с матерью, пока она не умерла от грудной болезни; родом из посёлка Манжонка; ну, а в отношении точного возраста вопрос остался невыясненным. В общем для большевика возраст подходящий. Кроме всего прочего, Гринька ещё рассказал, что когда он уходил из Манжонки, у рабочих на руднике давно уже не было получки. Управляющий рудника Ликонт объявил, будто в банке пропали деньги: их захватили «зелёные».

Ликонт обманывал рабочих: «зелёным» в банке достались только мешки с серебряной мелочью; крупные деньги задолго до ограбления были выплачены всем шахтам. Комитет большевиков и послал нас в Манжонку, чтобы выяснить этот вопрос.

Гринька был из тех мест, поэтому вполне подходящий для нас попутчик.

День клонился уже к вечеру. Было пасмурно, натягивало дождь. Надо было подыскать какой-нибудь крытый приют для отдыха.

По дороге нам попались солдаты. Они сидели возле трехдюймовой пушки и курили махорчатые кручёнки. Солдаты были из прежних царских дивизий. Но они уже не воевали за царя, а перешли на сторону революционных войск.

— Эй! — окликнул нас один из них.

— Чего? — спросил Шубин.

— Купите пушку!

— А ну!.. — отмахнулся Шубин. Мы с ним знали всякие солдатские шутки. — С нас пуговки не сорвёшь!

Гринька, конечно, ничего не знал, поэтому не удержался и спросил:

— А почём пушка?

— Пять копеек фунт, — ответил солдат под громкий смех приятелей.

Гринька понял, что над ним издеваются, и полез в драку (характер у Гриньки оказался очень вспыльчивым). Солдаты сделали вид, что перепугались Гринькиного характера, и запросили пощады.

Между нами и солдатами завязалось знакомство, потому что солдаты были не такими уж плохими людьми, как подумал о них Гринька. Из разговора мы выяснили, что они только сегодня из Манжонки, что Ликонт действительно деньги рабочим не платит и что с ночёвкой лучше всего устроиться в пустой экономии. Она вот здесь, в лесочке.

Мы распрощались с солдатами и заторопились в экономию: уже совсем стемнело и накрапывал дождь.

Постройки экономии были разрушены. Сохранился только флигель с маленькими грязными окнами и фанерной дверью. Внутри стояли скамейки, валялись черепки глиняной посуды, окурки, сухие, исклёванные птицами кукурузные початки. В углу — ворох мятого сена.

Шубина и меня настолько сморила усталость, что мы, наспех подперев дверь скамейками, чтобы не забрёл какой-нибудь нежеланный гость, с удовольствием улеглись на сене, от которого приятно потягивало грибной прелью.

Гринька сказал, что спать не хочет, и предложил:

— Я буду вас охранять.

Мы не протестовали, — охраняй.

— А наган?

Мы сделали вид, что не расслышали.

— Мне нужен наган! — не успокаивался Гринька.

— Дай ты ему наган, — сонно буркнул Шубин. — Только, милости ради, пусть отвяжется.

Вскоре мы уснули под звонкий перестук дождевых капель по железным подоконникам флигеля. Но долго спать не пришлось. Проснулись мы от громкого выстрела. Вскочили — ничего не поймём. Во флигеле

светло от луны. Дождя нет. Едко пахнет кислыми пороховыми газами.

— Что?

— Что такое?

В проёме окна застыл Гринька. В руках у него наган.

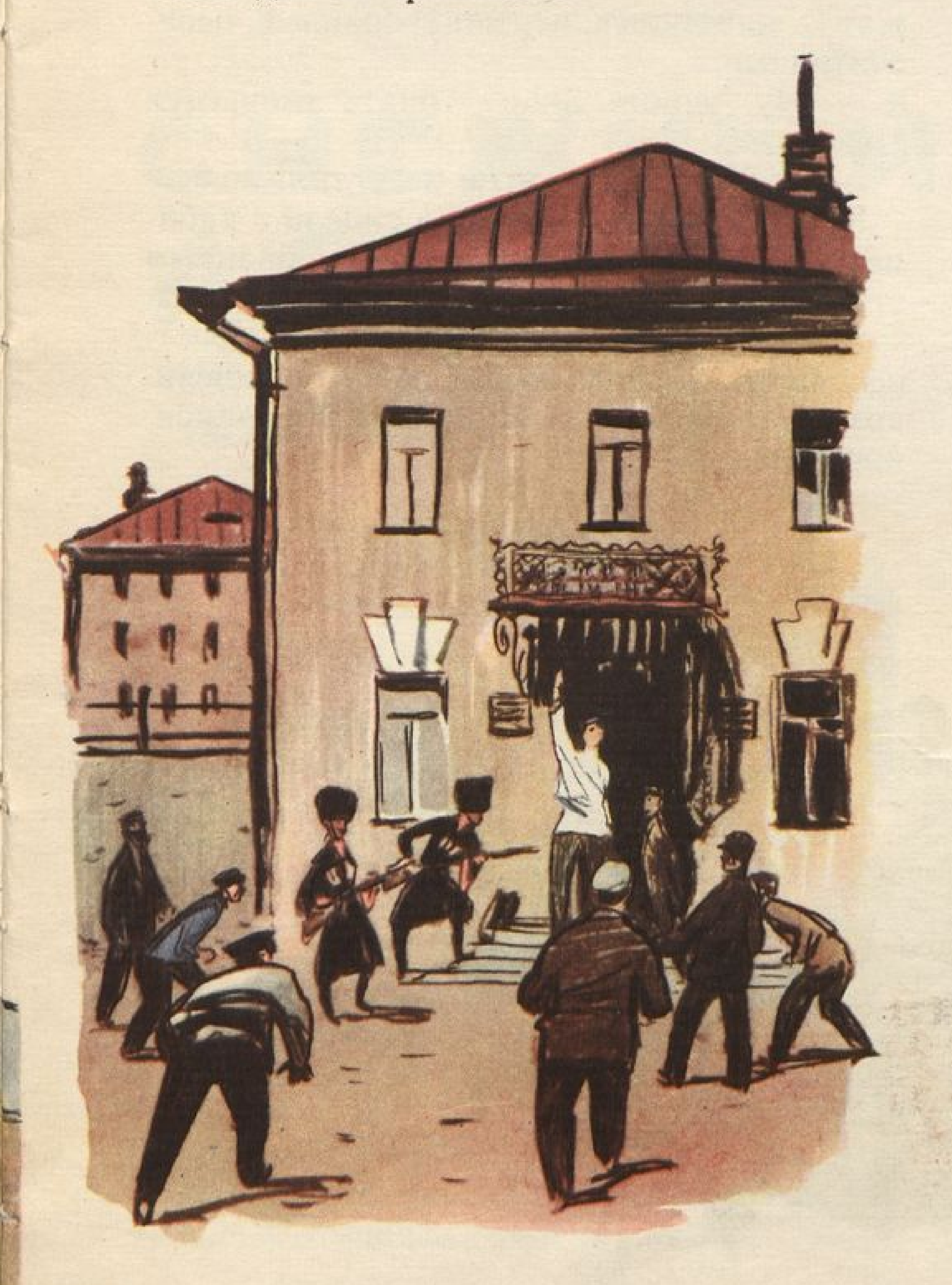
— По карнизу кто-то лез, — прошептал Гринька. — Я, наверное, троих убил.

— Чего врёшь! — сердито сказал Шубин и осторожно выглянул в окно. — Ты только раз стрелял.

— Ну и что ж, всё равно троих, не меньше.

Во дворе экономии было тихо. От осокорей лежали на земле мягкие лунные тени. Вошли в силу, сгустились к перелому ночи звёзды.

Сон был нарушен Гринькиным выстрелом, поэтому мы решили отправиться в Манжонку сейчас же. Разбаррикадировали дверь и выбрались во двор, всё ещё соблюдая осторожность.

— Я разведчиком... Я пулемётчиком... — пристыдил Гриньку Шубин. — Я троих убил...

Гринька шёл смущённый. Ему так хотелось отличиться, оказать нам какую-нибудь услугу!

В Манжонку мы прибыли в полдень. На улицах посёлка было пустынно. Ветер шелестел неубранной кукурузой и потемневшими подсолнухами. Кое-где у колодцев толпились женщины с вёдрами. На нас они особого внимания не обратили.

— С чего начнём? — спросил я Шубина.

— В контору пойдём. Гринька, веди.

Гринька повёл нас мимо сараев, собранных из негодных шпал, мимо домишек шахтёров и, наконец, вывел на площадь к каменному зданию конторы.

Возле входа в контору дежурили вооружённые карабинами охранники в барашковых шапках. Нас они в контору не пустили.

— Управляющий занят!

— Нам необходимо его видеть, — настаивал Шубин.

— А ну! Прочь! — И охранники взяли карабины на изготовку.

Мы отошли от конторы.

— Вот что, — предложил я. — Соберём на площадь рабочих с ближних рудников и всё им расскажем.

— Как ты их соберёшь?

— А тревожный гудок на что?

— К гудку ещё подобраться надо.

— Я подберусь, — сказал Гринька.

— Валяй, разведчик, — кивнул Гриньке Шубин.

Гринька мигом исчез, юркнув в щель ближайшего забора. Ждали мы долго. И уже было подумали, что из нашей затеи с гудком ничего не получится, как вдруг гудок загудел мощным, низким голосом.

Охранники заметались, не зная, что предпринять. Из открытого окна конторы со второго этажа высунулся человек с сухим нервным лицом, в домашней бархатной шапочке и приказал:

— Что стоите? Прекратить!

А гудок гудел, то прерываясь и затихая, то вновь набирая полный голос, — сзывал рабочих. И рабочие потянулись на площадь — узнать, что случилось.

Шубин взбежал на ступеньки конторского крыльца и поднял руку:

— Сюда, товарищи! Сюда!

Охранники попытались стащить Шубина со ступенек, нацелили угрожающе карабины. Шубин выхватил наган. Я кинулся к Шубину на подмогу тоже с наганом.

Всё больше и больше рабочих бежало на площадь. Охранники поняли, что борьба сложится не в их пользу, и опустили карабины.

Гудок замолк. В окне снова показался человек в бархатной шапочке.

— Ну, что там у вас?

— Кто это? — спросил Шубин охранников.

— Управляющий.

— Спуститесь к нам, господин управляющий, — вежливо, с улыбкой сказал Шубин.

— Это что? Как вы смеете?!

— Значит, смеем. Лучше сами сойдите, не то приведём.

Я беспокоился о Гриньке: не схватил ли его кто-нибудь из охранников там, у гудка?

Ликонт вышел на крыльцо в узких серых брюках и синем френче.

— Где деньги? — прямо спросил Шубин.

— Какие деньги?..

— Казённые, не ваши, конечно.

— Я вас не понимаю.

— Деньги рабочих, их зарплата.

— Я уже объяснял, — голос Ликонта сделался усталым и равнодушным. — «Зелёные» ограбили...

— Не «зелёные», — прервал его Шубин, — а вы ограбили!

Шубин сказал это наугад. Ведь никаких доказательств, что деньги действительно у Ликонта, у нас не было.

— Кто вы такой?! — взвизгнул Ликонт.

— Прохожий, — невозмутимо ответил Шубин.

Рабочие плотнее сдвинулись вокруг конторы, выжидающе молчали.

— Сами принесёте или послать кого?

— Денег у меня нет.

— Да вы не торопитесь, — все так же невозмутимо, с улыбкой продолжал говорить Шубин. — Вы припомните. Там, у вас в кабинете, в стальном ящике они и лежат — пачечками, перешнурованные, пересчитанные...

— Ну, знаете ли!.. — опять взвизгнул Ликонт.

— Знаем. Для этого и навестили вас.

Через полчаса я и Шубин сидели в кабинете Ликонта за широким полированным столом и выдавали зарплату рабочим.

Гринька сидел рядом. Он был абсолютно счастлив, чувствовал себя большевиком, участником подлинно революционного дела.

СНЕЖНЫЙ ДОМ

А. СОКОЛОВСКИЙ

Рис. Т. ЕРЁМИНОЙ

— Приехали! Приехали!..

Услыхав мамин голос, Кирилка бросился к окну, ткнулся носом в холодное стекло, метнулся к двери, но она сама распахнулась.

И Кирилка увидел перед собой высокую, по-городскому одетую тётю, маму, которая суетилась возле неё, и неуклюжего мальчишку в шубе и красном шарфе.

— Чудесная дорога от станции, — говорила городская тётя. — Какие леса!.. А мороз какой!.. Кто бы подумал? В апреле!.. — Она заметила Кирилку и всплеснула руками: — Неужели это Кирилл? Ну, иди скорее сюда! Я тётя Лиза. Твоя родная тётка!..

Кирилка сумрачно смотрел то на неё, то на маму, то на мальчишку, который сердито сопел, стараясь развязать шарф.

— Они ведь никогда в жизни друг друга не видели! — воскликнула тётя Лиза. — Серёженька! Это твой брат Кирилл. Родной двоюродный брат. Ну, поцелуйтесь же!..

Она подтолкнула мальчишку, мама подвинула к нему Кирилку, и братья стукнулись лбами. Потом сразу отпрянули назад и угрюмо посмотрели друг на друга.

Они сразу же не понравились друг другу, и между ними началась молчаливая, но упорная вражда.

После обеда взрослые оставили братьев и занялись «взрослым разговором».

Кирилка подождал немного, потом собрал свои игрушки и потащил их в угол. Большой красно-синий мяч выскользнул из рук, и Кирилка, чтобы не терять времени, наподдал его носком валенка. Мяч

сильно ударился о стенку и отскочил к Серёже.

В столовую заглянула тётя Лиза.

— Вот их уже и водой не разольёшь! — весело крикнула она, обернувшись. — Они уже играют в футбол.

Дверь захлопнулась.

— Не трогай мой мяч, — тихо сказал Кирилка.

Серёжа только фыркнул в ответ и оттолкнул Кирилкин мяч ногой.

Так и играли братья порознь. Время от времени они поглядывали друг на друга и показывали один другому языки.

У Кирилки были свои игрушки, Серёжа привёз из Москвы свои. Санки тоже нашлись для каждого. Но когда мамы выпроваживали братьев гулять, они тотчас же разбегались в стороны и с горки во дворе начинали кататься в разные стороны.

За обедом, завтраком и ужином братьев сажали за стол рядом. Это было одно мученье. Едва Кирилка нацеливался на самый лучший кусок пирога, как Серёжа немедленно клал этот кусок себе на тарелку. А стоило Серёже потянуться к вазочке с вареньем, Кирилка тотчас же хватал ложку, накладывал в своё блюдце самые большие, самые прозрачные ягоды.

Иногда, не стерпев обиды, братья начинали тихонько лягаться под столом. Оба уходили из-за стола прихрамывая. Но так как никто из них не был ябедой, то маме и тетё Лизе даже в голову не приходило, что нет между братьями ни дружбы, ни согласия.

А однажды Кирилка решил окончательно досадить Серёже. Он уже в самом начале зимы задумал выстроить во дворе снежный дом. Кирилка всё время откладывал постройку, но теперь, когда приехал Серёжа!.. Пусть-ка он позавидует Кирилке!

Мороз, который стоял несколько дней, — наверно, самый последний в эту зиму и потому самый сердитый, — сменился оттепелью. В уголках крыльца подтаяла плотная наледь. Снег стал сырой и прилипал к варежкам, когда утром Кирилка принялся готовить из него ровные крепкие кирпичики.

Серёжа, катаясь с горки, издали с любопытством следил за Кирилкиной работой.

А Кирилка трудился, не жалея сил. И к обеду стены дома были ему уже до пояса.

Как раз прошлой осенью выстроили новый бревенчатый дом около сельсовета. Кирилка вспомнил, как работали колхозные плотники, и стал укладывать снежные бруски, строя простенки между окнами. Вскоре стена стала похожа на крепость с башенками. Теперь осталось только укрепить сверху снежное перекрытие.

Кирилка присел возле своего будущего дома отдохнуть и мельком взглянул на Серёжу. Тот уже не катался с горки, а стоял посреди двора и с завистью смотрел на снежные стены.

А Кирилка, передохнув, снова взялся за дело. На каждую башенку он положил по кирпичу, а потом стал слеплять их прокладками из снега. Но тут Кирилку постигла неудача. Снежные кирпичики никак не хотели скрепляться. Они падали и рассыпались.

Серёжа подошёл поближе.

— Надо сверху палочки положить.

«Тебя не спросили...» — хотел было ответить Кирилка, но вместо этого кивнул головой. Он хмуро огляделся, отыскал подходящие палки, а Серёжа уже мчался к сараю, где грудой были навалены дрова и короткие распиленные доски. Вскоре он вернулся и принёс несколько подходящих дощечек.

— Вот сюда положим, — хлопотал он.— А сверху — снегом. Никогда не развалится...

А когда было закончено перекрытие, Серёжа сказал:

— И для крыши палки нужны. Чтобы крепче было. Я сейчас принесу...

Через час или полтора на крыльцо вышла тётя Лиза.

— Мальчики! Обедать! — позвала она. — Где вы, мальчики?

— Мы здесь! — крикнули хором Кирилка и Серёжа, выглядывая из окон нового снежного дома, у которого была уже и крыша, и крыльцо, и даже снежная скамеечка.

— Обедать! — повторила тётя Лиза и ушла с крыльца. — Я же говорила, — сказала она дома Кирилкиной маме. — Они всегда вместе. Прямо шагу друг без друга ступить не могут.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ МЕТРО ЛЕНИНСКОГО ИМЕНИ

Москва!
В Москве метро давно.
В метро светло, а не темно.
И знает каждый пионер,
И знают все ребята,
Как надо ехать, например,
С „Динамо“
до Арбата.
Купил билет
и — сразу вниз.
Спустился вниз,
В вагон садись,
Езжай не беспокоясь.

Прямым тоннелем под землёй
Меня с тобой,
Тебя со мной
Доставит мигом поезд.
И пусть там лето
иль зима,
И в летний зной
и в стужу
Подхватит лестница сама
И вынесет наружу.
Огни на станциях пестро
Мелькают в каждом взгляде.
Недавно пущено метро
И в нашем Ленинграде.

Метро!
Мы спустимся туда
На площади Восстания,
Где под землёю поезда
Идут без опоздания.
Там в ясном солнце потолок,
А стены —
в белом мраморе.
Туда людей спешит поток.
— Куда спешит?
— Не за море! —
Спешат на Кировский завод
Иль в Автово торопятся.

Сигнал начальник подаёт,
В тоннель вагон уносится.
Глядишь в окно:
у самых глаз
Мелькают своды гнутые.
Трамваем ехать —
С лишним час.
В метро —
Считай минутами.
За семь минут в один конец
Путём, в земле проложенным.
...На каждой станции дворец
И два ларька с мороженым.

К ПОЕЗДАМ ДО СТАНЦИЙ:
АВТОВО, КИРОВСКИЙ ЗАВОД,
НАРВСКАЯ, БАЛТИЙСКАЯ,
ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ,
ПУШКИНСКАЯ, ВЛАДИМИРСКАЯ,
ПЛОЩАДЬ ВОССТАНИЯ.

Мастерам метро почёт!
Трудятся,
не ленятся.
Высоко Нева течёт,
Только волны пенятся.

Высоко над головой
Вьются флаги пёстрые,
Под Невой идёт забой
К Кировскому острову,
К Петроградской стороне
На глубокой глубине.

Под землёй ведут хитро
Шахты новой линии
Ленинградского метро
Ленинского имени.

Рисунки
А. ЛИВАНОВА

Стихи
М. ДУДИНА

Бирма — тёплая страна

М. ГОДУНОВА

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА

Осенью, когда облетают последние листья и начинает дуть холодный ветер, птицы улетают на юг.

Они не видят, как выпадает у нас глубокий снег, как мороз разрисовывает стёкла, и не знают, как ребята катаются на коньках и санках. Птицы улетают в тёплые страны.

Тёплых стран много, они по-разному называются; люди, живущие в них, говорят на разных языках. Но всё-таки все тёплые страны похожи одна на другую тем, что там никогда не бывает зимы, деревья вечно зелены, а жители не носят зимних пальто и шапок, а уж варежек тут не сыщешь ни одной пары.

Южная страна, про которую мы хотим рассказать, называется Бирма.

В Бирме круглый год светит солнце, цветут цветы, растут кокосовые пальмы, бамбук, банановые и манговые деревья. Огромные, с толстыми стволами акации и баньяны как будто специально выросли на бирманской земле, чтобы отбрасывать густую и прохладную тень на раскалённую солнцем землю.

Когда очень жарко, можно укрыться под развесистыми ветвями этих деревьев. Недаром их так любят белые аисты. Весной, перед тем как лететь на север, в родные края, они целыми стаями поселяются на этих деревьях, чтобы хорошенько отдохнуть и набраться сил для далёкого пути.

В Бирме много разных птиц. Особенно много галок.

Да, да, обыкновенных чёрных галок! Но только галки эти не такие, как наши.

Во-первых, они совсем не боятся людей и почти ручные. Кроме того, бирманские галки — санитары: они подбирают и съедают все отбросы пищи. А так как их очень много, то и пользу галки приносят немалую.

Во-вторых, у этих галок особенный характер. То, что галки не могут съесть, они утаскивают в свои гнёзда.

Вот какой случай произошёл однажды.

Как-то осталось в доме одно окно незакрытым, а на подоконнике лежали бумажные деньги. В комнате никого не было. Галки — любопытны. Сперва одна, а за ней целая стая прилетела к окну, уселась на по-

доконнике, а затем, быстро схватив деньги своими горбатыми клювами, полетела на крышу сарая. Там галки преспокойно положили деньги рядом с собой и начали громко каркать. А одна из них, наверно самая жадная, потащила две бумажки, да не удержала в клюве и выронила. Это увидели дети в саду. Они захлопали в ладоши, закричали и длинными бамбуковыми шестами согнали галок. Потом пришлось лезть на крышу доставать деньги.

Вы думаете, что галки испугались? Ничуть! Перелетев на соседнее дерево, они чёрными озорными глазами наблюдали за всем, что происходило внизу.

Не боялись галки и щенка, который жил у нас в саду. Если у щенка в зубах была кость или что-либо съестное, галки тотчас же слетали с деревьев. Подпрыгивая, они приближались к щенку и хватали его клювом за хвостик. Вскрикнув от боли, щенок ронял кость. Тогда они мгновенно схватывали кость и взлетали на дерево. Бедный щенок растерянно оглядывался по сторонам. Он никак не мог понять: куда же девалась кость?

Вот какие смелые, озорные галки живут в Бирме!

НА УЛИЦАХ

Улицы в городах Бирмы шумные, пёстрые и многолюдные. Это оттого, что большую часть жизни бирманцы проводят под открытым небом.

Очень жарко. Зачем укрываться в домах?

Вот прямо на улице, усадив человека на раскладной стул, парикмахер ловко бреет его. А если посетитель захочет, ему тут же вымоют голову или подстригут.

Из-за угла доносится стук швейной машины — это портной спешит выполнить заказ, сидя прямо на тротуаре.

Здесь же расположились и харчевни. В небольших котлах готовятся разные кушанья. По всей улице тянет острым и пряным запахом.

Пожалуйста, садитесь за маленький столик или просто на корточки, по-восточному, и вам подадут рис, положенный в небольшие пиалы или просто на бамбуковые листья. Очень любят бирманцы соус «нгапи», который они готовят из рыбы.

На расстеленных вдоль тротуаров полотнах разложены товары. Торговцы громко расхваливают свои товары, стараясь привлечь покупателей. А вот лотки и лавочки, где продают изделия из серебра, дерева, крытого лаком, и из слоновой кости, фигурки слонов, сделанные из красноватого сандалового дерева. Сандаловое дерево приятно пахнет, и долгие годы такая фигурка будет издавать аромат мёда и цветущих деревьев.

Изделия из слоновой кости покрыты такой затейливой резьбой, что трудно представить, что это можно сделать руками.

Но вот и сам мастер! Осторожно и ловко работает он своими незатейливыми инструментами, и под его смуглыми пальцами распускаются удивительные цветы и узоры. Замечательные, искусные мастера живут в Бирме!

Многие деревянные дома на улицах выкрашены в чёрный цвет. Это защита от термитов — белых муравьёв, которые водятся в Бирме. Нашествие термитов очень опасно: они за короткое время могут уничтожить деревянную облицовку дома, мебель, книги, одежду.

У ШКОЛЫ

Если вы хотите попасть в самое шумное и весёлое место в городе, то подойдите к школе к концу занятий.

Из школы выбегают ученики. И мальчики и девочки одеты в длинные зелёные юбки, сшитые из бумажной материи, в сандалиях на босу ногу.

А книги и тетради они носят не в порт-

фелях, а в широких, пёстрых, сотканных из шерсти сумках. Они перекидывают эти сумки через плечо.

Но сейчас сумки брошены на траву, а сами школьники играют в свою любимую игру — «чинлон».

Это игра в мячик. Мячик кидают в воздух. Подбрасывать его можно плечами, головой и спиной, но только не руками. Это трудная игра. Надо быть очень ловким, чтобы научиться играть в «чинлон», и многие бирманские ребята отлично умеют это делать. Так же как и школьники других стран, маленькие бирманцы любят ходить в зоопарк. Он расположен в красивом зелёном парке. Здесь в огороженных решётками вольерах живут звери: слоны, обезьяны, жирафы, красивые павлины и страусы. Но эти звери есть и в нашем зоопарке.

А вот огромные черепахи ползают по грунтовой дорожке, огороженной решёткой. На такой черепахе свободно может прокатиться трёхлетний ребёнок.

Да, таких больших черепах у нас нет!

ПРАЗДНИК ВОДЫ И ОГНЯ

Вода — это большое богатство. Особенно в жаркой стране, где целый год печёт солнце, как будто оно хочет сжечь или высушить землю. Вода — как её не любить!.. Она напитает землю живительной влагой, и земля принесёт богатый урожай.

И поэтому самый большой и самый весёлый праздник в Бирме — это Праздник воды.

В апреле, когда у нас полная весна, в Бирме кончается сухой сезон. И вот тогда бывает этот праздник. Он длится целых три дня.

Берегитесь выйти на улицу в эти дни в хорошем костюме! Пощады не ждите и не сердитесь, если вас обольют с головы до ног.

Все заранее готовятся к празднику. На улицах и площадях устанавливают бочки и вёдра с водой, привёртывают шланги к водопроводным колонкам.

Магазины и лавочки закрыты. С раннего утра на улицах собираются толпы взрослых и детей. В руках кружки, насосы, ковши, чашки. Все ждут. И вот появляются первые прохожие, машины, велосипедисты.

И Праздник воды начался!

Поливают всех беспощадно. Льют воду в окна и двери автобусов, машин, колясок... Обливают велосипедистов, прохожих...

Вот мчится легковая машина. Окно в ней неплотно закрыто.

Толпа у бочек заметила это, и, с криком схватив вёдра, кружки с водой, насосы, бегут взрослые и дети, чтобы облить недогадливого шофера. Но... он оказался более ловким, и не успели добежать к нему с водой, чтобы облить, как он, чуть приоткрыв окошечко, сам облил их из ручного насоса и умчался дальше.

Опять смех, шутки...

По улицам ручьями течёт вода. Все мокрые с головы до ног. Это не страшно, пото-

му что все легко одеты. Ведь в Бирме тропическая жара. Ребятишки — те почти голые, а малыши, совсем голые, отчаянно пляшут в лужах воды.

До позднего вечера льётся вода. Веселятся взрослые и дети. Сколько людей, машин облито водой! И не счесть.

Только к вечеру на улицах затихают плеск воды, песни и смех. Усталые, мокрые, но весёлые возвращаются все домой.

БИРМА—НАШ ДРУГ

Природа щедро наградила Бирму. Там растёт рис, сахарный тростник, чай, хлопок. Её земля хранит в себе залежи цинка, олова, меди и нефти.

Многие годы все эти богатства принадлежали иностранным колонизаторам.

Но восемь лет назад бирманский народ восстал против своих угнетателей. С тех пор Бирма стала независимой страной. Теперь бирманский народ начинает трудиться для себя.

Недавно в Бирме побывали товарищи Булганин и Хрущёв. Они поехали туда по приглашению правительства Бирмы, чтобы передать добрый привет от советского народа и рассказать о своём уважении к бирманцам. Бирманцы устроили им чудесную встречу. Тысячи людей выходили на улицу с букетами. Все дороги, по которым пришлось им проехать, были усыпаны яркими душистыми цветами. Так выражал бирманский народ свою любовь к Советскому Союзу.

Народ Бирмы, так же как и мы, советские люди, хочет мирно трудиться на своей земле и крепко дружить со всеми народами земного шара.

Литературная обработка И. Веткиной

АПРЕЛЬ

ИЛЬЯ ДАРЕНСКИЙ

Просыпается земля,
Кончились морозы.
Вышел трактор
на поля,
Сеют хлеб колхозы.

У журчащего ручья
Зяблики запели.
День рожденья
ИЛЬИЧА
Празднуем в апреле.

Сказка старого Сооронбая

М. ПЕТРОВИЧ

Рис. А. КОКОРИНА

Поле, ровное и зелёное, начинается возле гор и, понижаясь, тянется далеко, до самого горизонта.

Два мальчика, Байкен и Асаналы, идут по узкой тропинке вдоль арыка, сейчас больше похожего на бурную горную речку — так много в нём воды и так быстро, со звоном бежит она вдаль.

По стеблям и листве ребята угадывают, что в поле посеяно: вот тянутся к солнцу тёмнозелёные флажки свёклы; как пики, торчат всходы кукурузы с острыми листьями. Бескрайной зелёной щёткой выглядит джутовое поле.

— А знаешь, — говорит Асаналы, — Сапия сказала, что выкопает по шестьсот центнеров свёклы с гектара.

— Джоодат соберёт ещё больше.

— Сколько?

— Не знаю!.. А больше.

— Байкен!.. Центнер очень тяжёлый? — после недолгого молчания спрашивает Асаналы.

Байкен останавливается и, крепко зажмурив глаза, отчего его маленький сплюснутый нос задирается кверху, говорит:

— Тяжёлый... А шестьсот центнеров! Ой, много!.. Чтобы поднять их, сколько людей надо!

В школе они пока научились считать до ста. Но они знают, что тысяча в десять раз больше сотни. Свёкла, собранная с полей Сапии, видится Асаналы высокой горой, вроде Ала-Тау, только поменьше и без снежной шапки.

Вдали рокочет трактор Турсуналы. Ребятам хочется посмотреть, как он работает. Но сегодня они идут к дяде Сооронбаю, колхозному мирабу, а совсем не к Турсуналы.

В Казахстане, где живут Байкен и Асаналы, летом так печёт солнце, что колхозникам приходится поливать землю. Для этого от реки проводят большие канавы — арыки, а от них на поля расходится сеть мелких канав. Колхозный мираб по вечерам пускает воду на поля, и напоённые влагой свёкла, кукуруза, джут оживают и дают обильный урожай.

Дядя Сооронбай сидел на камне в тени шалаша и попыхивал маленькой глиняной трубочкой.

— Рановато пришли, помощники, — сказал Сооронбай, взглянув на небо. — Полив начнём, когда спадёт жара.

Но ребятам не хочется уходить. Так, будто случайно, Асаналы спросил мираба:

— Дядя Сооронбай, как растёт свёкла?

— Вам очень надо знать?

— Да! — ответил Байкен.

Сооронбай задумался.

— Как вам сказать?.. По-учёному будет непонятно... Ну, слушайте. — Мираб улыбнулся. — Жило на колхозном складе маленькое семечко по имени... Как мы его назовём? Ну, пусть оно будет Свёклонбек... За дверями выли холодные ветры, шли дожди, падал снег. Скучно было Свёклонбеку и его друзьям, они с нетерпением ждали весну, солнце. Изредка развлекала их дряблая, но важная свёкла, которую случайно забыли под ларём. Она рассказывала, что когда-то тоже была крохотным глупым семечком; но потом её посадили в землю, и она начала толстеть и совсем не заметила, как из семечка превратилась в толстую и длинную свёклу. Но свёкла уже была старая и многого не помнила; она умела только зазнаваться и уверяла, что наполовину состоит из сахара. Дни шли за днями, на дворе всё ещё было холодно.

Но вот однажды над амбаром, в густых зелёных карагачах запели птицы. Пришла Сапия. Она взяла Свёклонбека, согрела его на солнце и посадила в маленький горшочек. Он лежал в мягкой, тёплой земле, точно в постели, и чувствовал, как постепенно прибывают его силы. Ему стало тесно в скорлупке; он понатужился, скорлупка лопнула, и Свёклонбек выглянул на белый свет. А как только он окреп, Сапия посадила его вон там, — Сооронбай кивнул в сторону свекловичного поля. — Туго пришлось Свёклонбеку: пекло солнце, сухие, горячие ветры сушили листья, корешок. Выручил его из беды мираб Сооронбай: он напоил землю чистой, прохладной водой. Свёклонбек зазеленел. Он уже не боялся ни зноя, ни ветра. Но вместе с ним зазеленели и злые, жадные враги Свёклонбека. Они опутали землю толстыми, цепкими корнями и отбирали у Свёклонбека влагу, застилали солнце. На помощь ему пришёл тракторист Турсуналы. Острые зубья культиватора очистили поле от сорняков. Погибли сорняки, но не стало покоя от гусениц, мошек, червячков. Они до того больно грызли Свёклонбека, что он поблёк, похудел, перестал расти. Пожалуй, не жить бы ему, если бы не лётчик Асанджан Абдразаков: он пролетел на самолёте. Лёгкая ядовитая пыль упала на поле, и от неё погибли червячки и гусеницы.

Долго не мог поправиться Свёклонбек. Сорняки съели все удобрения, а насекомые, казалось, окончательно подорвали его силы. Но на поле пришла Сапия со своей бригадой; они прорядили посевы, посыпали землю жёлтым порошком. «Ох, как приятно!» — сказал Свёклонбек и так начал расти, что скоро верхушка клубня вылезла наружу.

Сейчас Турсуналы зароет клубень,

а поздно вечером Сооронбай вместе с Байкеном и Асаналы польёт землю. И если ещё какая-нибудь беда случится со Свёклонбеком, с ним всегда рядом его друзья: тракторист Турсуналы, лётчик Асанджан, мираб Сооронбай, бригадир Сапия... Они заступятся за Свёклонбека, помогут ему вырасти толстым, сочным, сладким. А потом свезут его на сахарный завод... Когда будете пить чай с сахаром, вспоминайте и нас, которые выходили, вырастили Свёклонбека.

Всё... А теперь идите играйте... Я немного посплю. Мне ведь работать всю ночь.

...Байкен, засучив штаны, бредёт по арыку. Асаналы идёт берегом.

— Ночью Свёклонбек видит всякие сны... Про ветер, солнце,— говорит Байкен.

— У него нет головы... А сны бывают в голове, — сомневается Асаналы.

— Вот и неправда, — возражает Байкен, но не спорит. Верно, какой сон может видеть Свёклонбек, если у него нет головы!

— И глаз, и ушей, и носа нет, — добавляет Асаналы.

— Есть! — кричит Байкен. Ему не хочется расставаться со сказкой мираба.

...Вечер наступил внезапно. Солнце быстро сползло к краю неба. И сразу же наступили серые сумерки. Сооронбай стоял возле арыка, у ворот с поднятым деревянным щитом. Девушки из бригады Сапии, вооружённые длинными шестами, занимали свои места на поле. Мираб опустил щит; вода заходила тяжёлыми кругами, вздулась и потекла по узким канавам — временным арыкам.

Байкен и Асаналы стояли рядом с Сапией. Острым концом шеста Байкен разрушил тонкую стенку канавы; вода быстрыми, извилистыми ручейками расползлась в разные стороны. Но Байкен умеет не хуже взрослых поливальщиков вести эти ручейки вглубь поля, не даёт им останавливаться, разбегаться. Сковыривая еле заметные бугорки, выравнивая ямки, Байкен приговаривал:

— Купайся, купайся, Свёклонбек!..

— Он не купается, а мокнет. Он в земле, — сказал Асаналы.

— Чего вы бормочете? — спросила Сапия.

— Так, про себя, — нехотя ответил Байкен. Нет, не любит Асаналы сказку мираба! Обо всем говорит так, как видят его глаза.

Земля жадно всасывала воду. Ручейки останавливались, как бы замирали, затем снова бежали вперёд. Там, где прошли они, земля становилась чёрной, вязкой, словно после большого дождя...

Будто издалека доносится голос Сапии:

— Ох, и пойдет свёкла в рост! И всё в клубни, ребята!

— А ты соберёшь шестьсот центнеров? — спрашивает Асаналы.

— Обязательно соберу, — говорит Сапия.

Ветер шелестит в тёмной зёленой ботве свёклы.

— Свёклонбек благодарит нас, — говорит Байкен.

— Это ветер шуршит, — отвечает Асаналы.

Сооронбай стоит позади и слышит разговор ребят.

— Правильно, Байкен, Свёклонбек доволен вами, — улыбается Сооронбай.

— Ему хорошо сейчас? — допытывается Байкен.

— Хорошо, — говорит Сооронбай и так громко, что Сапия и девушки переглянулись: они совсем не знали, о каком Свёклонбеке вспомнили Сооронбай и Байкен.

Рис. В. АНДРИЕВИЧА, И. БРУНИ

Ребята, помните, в прошлом номере человечки из желудей отправились на поиски своего пропавшего товарища?

Их было пятеро: Капитан, Учёный, Художник, Мастер и Повар.

Долго они бродили по лесу. Рано утром, когда человечки готовили завтрак (они варили суп из липовых почек), в морозном воздухе раздался звонкий лай собачки Мышки. Она напала на след разбойников, похитивших Соню.

— Тревога! — скомандовал Капитан, садясь на своего жёлтого скакуна.

Следы привели к пещере.

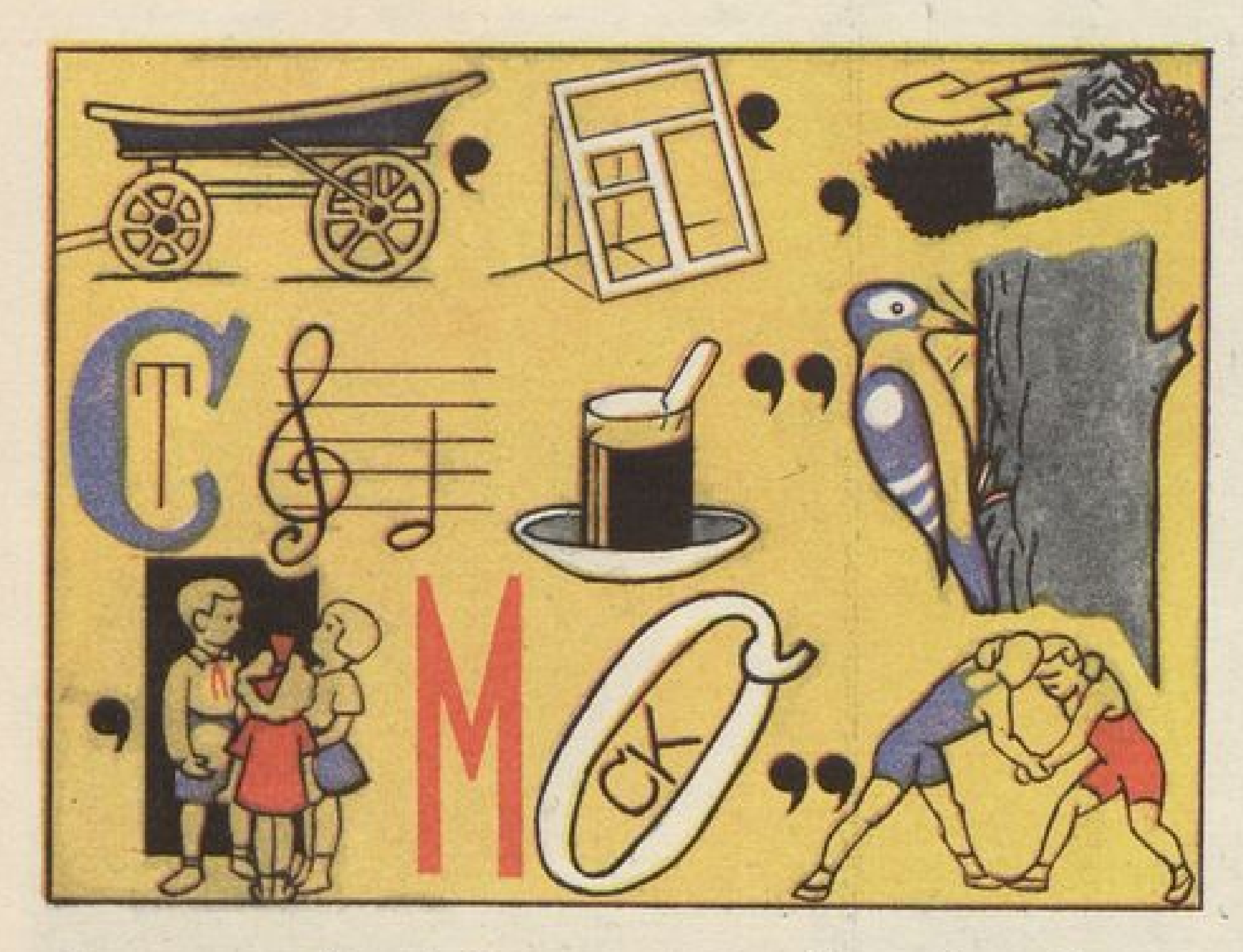
В пещере темно, жутко, но смельчакам всё нипочём. Тяжёлый камень преградил им дорогу. Но Учёный приладил канат, и путь был открыт. Повар прыгнул в темноту и увидел перед собой огромную Крысу. Он не испугался, а кинулся на неё с шашкой. На помощь к нему поспешил Художник с пикой. Крыса кинулась прочь.

В углу стонал бедный Соня. Друзья перевязали его, посадили на коня и стали пробираться к выходу. Напрасно Крыса шипела на них. Храбрые человечки не испугались: кто с пикой, кто со стрелой, кто с шашкой бросились они на врага.

Так человечки спасли друга. Им помог хороший девиз: „Все за одного, один за всех!“

РЕБУС

Составил А. ЗУБОВ

Дорогие ребята! Это не простой ребус. Прочитав его, вы должны подготовиться к встрече гостей—построить для них жильё.

ДОЖДИК

В доме сразу потемнело,
Небо стало хмуриться.
Мама в дождик не велела
Выбегать на улицу.
Дождь стучит о подоконник,
Пузыри, как мыльные.
А у фикуса ладони
Грязные и пыльные.
Я сейчас окно открою.
Гром, греми, не страшно мне!
Дождевой водой умою
Все цветы домашние.

И. ВАСИЛЕВСКИЙ

ВЕСЕННИЙ СКВОЗНЯК

Р. БАУМВОЛЬ

Солнце с тёплым ветерком
В окна бросились рывком.
Ни одной спокойной складки
Не осталось ни на ком,
Распахнулись все тетрадки,
Полетели кувырком...
Встала шёрстка, как на звере,
На котёнке крохотном,
Растворились настежь двери
И закрылись с грохотом.

Дверь скрипит, бумага пляшет,
Календарь листками машет.
День, неделя, месяц, год —
Время ринулось вперёд!..

КАК ВАЛЕРКА СЧИТАЛ

БОР. ЛУКОВЦЕВ *Рис. Е. АФАНАСЬЕВОЙ*

К нам в гости приехал Валерик — мой двоюродный брат. Осенью он пойдёт в первый класс.

Мы с Валеркой быстро подружились и стали вместе играть. Один раз мы играли в школу. Валерка был ученик, а я учительница. Я ему задала пример:

— Сколько будет два и два?

— Не знаю, — сказал Валерка. — Ты лучше мне другой пример задай.

Тогда я открыла буфет и вынула из сахарницы четыре куска сахара. Два куска Валерке дала, а два себе оставила и говорю:

— У тебя два куска, и у меня тоже два. Сколько всего?

— Четыре, — проворно ответил Валерка, а сам сахар в рот засунул.

— Правильно.

Так в этот день Валерка научился складывать до десяти.

На другой день он мне сказал:

— Давай опять играть в школу. Я попробую складывать до двадцати.

Я согласилась.

— Давай. Сколько будет десять и десять?

А Валерка ответил:

— Я так не знаю. Доставай сахар, тогда я и посчитаю.

Но буфет оказался закрытым на ключ. Наверно, бабушка увидела, сколько мы сахару съели. Потому я сказала:

— Давай на спичках считать.

А Валерка не захотел.

— Спички, — говорит, — мелкие, с ними запутаешься. Сахар интересней считать.

Я и сама знаю, что интересней. Только если так учиться, то сколько же сахару нужно на день?!

ЗАГАДКА

С. ТАРНОПОЛЬСКАЯ

Вертится Антошка
На одной ножке:
Где солнце станет,
Туда он и глянет.

(Подсолнух)

ЗНАЧКИ ПИОНЕРСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

СССР

Китайская Народная Республика

Польская Народная Республика

Чехословацкая Республика

Корейская Народно-Демократическая Республика

Германская Демократическая Республика

Народная Республика Болгария

Венгерская Народная Республика

Франция

Румынская Народная Республика

Италия

Бельгия

Финляндия

На обложке — рисунок Н. Цейтлина *Макет П. Караченцова*

Художественный редактор О. Камнин *Рукописи не возвращаются* *Технический редактор А. Бодров*

Год издания тридцать второй **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

А00273 Подп. к печати 25/II 1956 г. Бумага $60 \times 92^1/_8$=1,5 бум. л.=3 печ. л. Уч.-изд. л. 2,8 Тираж 850 000 экз. Заказ 269

Адрес редакции и типографии «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия»: Москва, А-55, Сущёвская, 21.